

Мы познакомились тринадцать лет назад на лазурном берегу курортного комплекса «Ривьера», что на Золотых песках вблизи Варны. На мой взгляд, это самое благодатное место в Болгарии. Солнце катилось к закату. У самой кромки слегка колеблющейся морской воды лениво бродили купальщики. Они вдоволь наплавались. Им пора было спешить на ужин. Но уходить не хотелось. Море, словно магнит, продолжало держать их. Именно такие ощущения испытывал и я, сидя за столиком кафе, расположенного на берегу. Мой взор привлек мужчина, идущий по асфальтовой дорожке мимо бассейна с минеральной водой и трёх высоких сосен, похожих своими очертаниями на итальянские пинии. На нем с элегантной небрежностью была надета просторная рубаха в мелкую полоску и экстравагантная широкополая шляпа. Одежда имела ту простоту, которая равнозначна хорошему вкусу. Его внешность напомнила мне знаменитого в недавнем прошлом журналиста-международника, писателя-публициста и телеведущего Всеволода Овчинникова. Его книги «Ветка сакуры» и «Корни дуба» когда-то, в пору моей дипломатической молодости, были моими настольными. Мы с приятелями учились у него и его коллег: Валентина Зорина, Фарида Сейфуль-Мулюкова, Игоря Фесуненко точности анализа сложных хитросплетений международной обстановки времен холодной войны и умению живо, образно и безупречным русским языком рассказывать о самых актуальных проблемах современности. Заметив мой устремлённый на него взгляд, он приветливо кивнул мне. Я ответил ему улыбкой и словами «Добрый вечер!» Только, увидев его рядом, я понял, что это не мой кумир-международник. На следующий день, примерно в то же время и на том же месте, мы представились друг другу. Это был советский, российский архитектор Эдуард Каган.

На морских курортах отношения между людьми завязываются легко и быстро. Люди, находящиеся на отдыхе, становятся менее замкнутыми в своей «башне из слоновой кости» от тех условностей, которые являются своеобразным охранительным поясом от сложной и противоречивой действительности. Иногда эти отношения рвутся сразу же после расставания. А порой они выстраиваются в прочные союзы или длительное знакомство, перерастающее в искреннюю дружбу.

По-видимому, первые ничего не значащие фразы, суть которых моя память не сохранила, и интонация, с которой они были произнесены, оказались столь банальными и непосредственными, что дальнейший разговор потек, словно ручеек возле небольшой речки на Среднерусской равнине. Мы оказались сверстниками, с небольшим преимуществом в его пользу. В этом возрасте надежды и мечты становятся все менее возвышенными, а ум — все более язвительным. События в нашей стране и в мире в целом давали нам много поводов для выражения своего отношения к ним и проявления накопившейся энергии отрицания «мерзостей современной жизни» в их различных проявлениях. Речь Эдуарда выдавала в нем человека высокой этической и эстетической культуры. Но без внешней рисовки и вычурных слов. Дополнительный шарм складывающейся взаимной симпатии между нами придавало знакомство наших жен, которые находили бесконечные поводы для своих оживленных разговоров, прерывающихся веселым смехом, на который невольно мы с безмолвной улыбкой обращали внимание.

Во время последующих встреч на берегу моря, которые мы обусловливали предварительными договоренностями, передо мной, как-то само собой, в ходе бесед развернулась довольно интересная и полная творческих поисков жизнь Эдуарда. С особой нежностью и теплотой он вспоминал о своих родителях и братьях. Творческая энергия их отца-инженера-строителя, получившего образование в первые десятилетия советской власти, была столь велика, что трое братьев унаследовали его профессию. Исаи Мануйлович Каган вначале занимался гражданским строительством и сооружением промышленных объектов.

— Он был на хорошем счету за свои высокие профессиональные качества и за свою требовательность к выполнению проектных заданий, — как бы, вспоминая рассказ отца, говорил в своей неспешной манере Эдуард. — Ещё в молодые годы, занимаясь строительством аэродрома в городе Минске, он внес изменения в проекты, что позволило сократить сроки возведения в строй объекта. Наверное, благодаря этому папу вызвали в Наркомат авиационной промышленности в Москву. Ему поручили руководить строительством авиационных заводов, включая и заводские аэродромы,

в сибирских и дальневосточных регионах страны. Во время разговоров ему дали понять, что при сооружении этих объектов надо иметь в виду возможность эвакуации в эти места заводов из европейской части Советского Союза на случай войны с Германией. А когда началась война, отец принимал участие в эвакуации авиационных заводов из европейской части и в обустройстве их в Сибири.

«Какое стратегическое мышление было у Сталина и его соратников в тот период! — подумалось мне. — Действительно, в многогранной деятельности этой личности оправдывается принцип, что руководить, значит — предвидеть. Именно предварительно проведенная работа позволила в кратчайшие сроки в начале войны эвакуировать многие заводы с территорий, захваченных вскоре фашистами, и быстро наладить производство военной продукции для фронта. При всех известных его недостатках, не вдаваясь в причины и следствия антисталинской истерии, развернувшейся семь десятилетий назад и превратившейся ныне в русофобию, следует признать, что глубочайшая эрудиция, умение подвергать анализу реальные события с точки зрения подлинно научной методологии и на ее основе выстраивать принципы управления страной, испытывающей гигантские трудности, умению подбирать надежные профессиональные кадры, все это обеспечило Советскому Союзу победу в войне над гитлеровской Германией, подчинившей себе перед агрессией на нашу страну потенциал практически всей Европы, а после войны в течение короткого периода — добиться небывалого экономического, социального и культурного подъема нашего государства... Поколение отца Эдуарда по праву называют в нашем народе поколением победителей. Это поколение стало одновременно и поколением созидателей».

Несколько позже при подходящей теме нашей беседы Эдуард поведал мне о своей матери и родных братьях.

— Маму звали Елизавета Ефремовна, — с едва уловимым волнением проговорил он. — Она была врачом. Мы, дети, поражались ее одаренности и восхищались ее мелодичным пением, а также игрой на многих музыкальных инструментах. А когда она брала в руки карандаши или кисть с красками, то перед нашими изумленными взорами возникали очаровательные сказочные картины.

После небольшой паузы он продолжил с легкой иронией:

— Певцов и музыкантов из нас не получилось. А вот строительство под влиянием отца стало нашим призванием.

По мере нашего знакомства я стал замечать, что остроумие и едва уловимая ироничность, в том числе и самоирония — характерные черты Эдуарда. Иные люди ищут повода, чтобы намеренно продемонстрировать свое остроумие. Эдуард не такой. Он проявляет это качество ненавязчиво, как-то естественно, само собой. Только тогда, когда оно вытекает из темы и характера разговора.

— Первым по этой стезе пошел мой старший брат Арнольд. Он, как и младший брат Леонид, окончили Московский инженерно-строительный институт. — В голосе Эдуарда я уловил нотки особого уважения. Видимо, это чувство, возникшее с детских лет между братьями, продолжает сохраняться и в их весьма почтенном возрасте. — На его усердие, — продолжил Эдуард с едва заметной гордостью, — обратили внимание руководители строительных организаций нашей столицы, и он начинает трудиться в таком широко известном учреждении, как «Главмосстрой». Среди своих коллег-профессионалов он пользуется большим авторитетом. Ему поручают руководить строительством важных объектов столицы. Многие известные здания в Москве были сооружены при его непосредственном участии. Государство высоко оценило его деятельность: он становится лауреатом премии Совета Министров СССР.

С похожей гордостью он рассказывал и о Леониде. И основания для этого, как я убедился, были вполне объяснимыми. Леонид возглавлял один из крупных проектных институтов. Принимал непосредственное участие в проектировании и строительстве различных объектов по всему Советскому Союзу. Именно его достижения на этом поприще позволили ему стать членом-корреспондентом Инженерной академии и получить звание «Почетный строитель России».

О себе Эдуард говорил скромно. И мне показалось, даже как-то неохотно. Позже от его жены Татьяны я узнал, что он окончил престижный Московский архитектурный институт.

Кстати говоря, Татьяна тоже архитектор по профессии. Завершив свою трудовую деятельность, она реализует

творческую энергию в живописи и прикладном искусстве. По мере нашего знакомства я начал понимать, что Татьяна стала своеобразным «категорическим императивом» художественных поисков мужа, если прибегнуть к философскому понятию Эммануила Канта.

Учась на последних курсах института, Эдуард был приглашен на преподавательскую работу. Постепенно он испытал потребность в передаче полученных знаний молодому поколению. Он продолжил преподавательскую деятельность и после окончания института, работая архитектором в проектных и научно-исследовательских организациях, сочетая эту деятельность с работой в Художественном фонде СССР. Его авторству принадлежит большое количество жилых, общественных, промышленных и специализированных объектов, а также крупных производственных комплексов. С 1964 года Эдуард является членом Союза архитекторов СССР, он награжден тремя медалями Комитета по науке СССР. Соблазнительное тяготение к научному обобщению полученных и постоянно расширяющихся профессиональных знаний вызывало у него потребность в написании теоретических работ, в том числе и по истории архитектуры. Они публикуются в специализированных архитектурных изданиях. В соавторстве со своим коллегой Эдуард подготовил и издал учебник по архитектурному проектированию для колледжей. Не случайно говорят, что учителя и преподаватели проявляют себя в своих учениках. Многие ученики Эдуарда Исаевича стали руководителями крупных проектных институтов и мастерских, профессорами и признанными специалистами в области архитектуры, видными общественными деятелями.

Далеко не сразу я узнал о том, что Эдуард многие годы занимается живописью и графикой. Мне об этом, после знакомства с Эдуардом, поведал мой сын Олег, увлекающийся изобразительным искусством. Они в ходе разговора непривольно заговорили о предмете своих творческих пристрастий. И когда я увидел картины Эдуарда, я понял, что он художник, отмеченный несомненным талантом.

В моем понимании, архитектура всегда была органически связана с живописью. Это, как однаждыевые близнецы. Прошу прощения у читателя за такую тривиальную

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru